

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

С Е Н Т Я Б Р Ъ , 1 8 2 4 .

П Р О З А .

Осада Коринѳа.

(Изъ сочиненій Лорда Байрона.)

Предисловіе.

Въ 1715-мъ г., Турецкая Армія подъ начальствомъ Великаго Визиря, желая открытъ себѣ путь въ Морею и овладѣть важнѣйшею на всемъ полуостровѣ крѣпостью *Наполи ди Романія*, осадила Коринѳъ. Послѣ многихъ присуповъ, гарнизонъ до того ослабѣлъ, что Губернашоръ, не видя возможности обороняться противъ силъ, столь многочисленныхъ, вступилъ въ переговоры. Но въ самое то время, какъ условливались о сдачѣ города, пороховой магазинъ въ Турецкомъ лагерѣ вздешѣлъ на воздухъ; причѣмъ семь сошь чедовѣкъ лишились жизни. Сіе, совершенно случайное происшествіе привело невѣрныхъ въ ярость: они не хотѣли слышать ни о какомъ договорѣ, бросились на присупъ и въ шопъ же день овладѣли Коринѳомъ. Весь гарнизонъ и самъ Губернашоръ *Минотти* изрублены безъ пощады.

Теперь *Наполи ди Романія* не считается главнымъ городомъ Морей. Паша живешь въ Триполицѣ, гдѣ и главное мѣсто Управленія находидся. *Наполи* недалеко отъ Аргоса. Я посѣщала всѣ сии пригорода въ 1810 и 1811-мъ годахъ, (говорить Лордъ *Бейронъ*), и будучи черезъ Морсю горною дорогою, или проплывая отъ Аѳинскаго залива въ Лепантской, восемь разъ видѣла мысъ Коринтскій. На сихъ обѣихъ дорогахъ, хоша между собою различныхъ, представляются живописные и прекрасные виды. Морская нѣсколько однообразна; но какъ корабль всегда держится береговъ и пловцы не теряють земли изъ глазъ, то острова Саламинъ, Эминъ, Поро и швердаа земля представляють великолѣпное зрѣлище.

Осада Коринва.

I.

Годы и вѣки, бури и брани протекли надъ Коринтомъ; но онъ все еще возвышается, какъ оплотъ, на который можешь опереться независимость Грековъ. Ни ярость въспровъ, ни удары землетрясеній не поколебали древней его скалы, краугольного камня спраны, лишенной блеска прежней славы, но въ сихъ мѣстахъ сохранившей осматокъ величія. Безпрестанно угрожаемый двойнымъ прислуномъ воли, сей мысъ противоположаетъ имъ оплотъ непоколебимый; съ шумомъ разбивающа вала обѣ его грудь невредимую или спонуть, лобызая крѣккія споны его. Если бы вся кровь, пролившая на сихъ

берегахъ отъ Тимолеона, умершвившаго здѣсь брата, до поспыднаго бѣгснва Царя Персидскаго; если бѣ вся кровь, ушучившая сѣи поля, вдругъ опять изъ земли выпунила; — сей новый Океанъ захопиль бы багровыми волнами мысь, далеко въ море вдавшійся. Еслибъ можно было собрать бѣлыя кости ратниковъ, копорыхъ пожалъ мечъ на сихъ нивахъ брани; — мы бы увидѣли до небесъ возставшую пирамиду, соперницу горы *Акрописа*, копорая гордою главою въ облакахъ шераешя.

II.

Двадцать тысячъ копій блестятъ на горѣ Кносронѣ и отъ вершины ея до раздвоеннаго берега блѣтюща шашры воиновъ; Мусульманскій полумѣсяцъ сіяетъ на ихъ высокихъ маковкахъ. Каждую дружиною Слаговъ предводительствуетъ длиннобородый Папа и воинство Ошломановъ расширяетъ, сколь далеко можетъ обнимать око человеческое. Между ними видѣиъ Арабъ и послушный верблюдъ его; Татаринъ, искусно конемъ владѣющій; Туркоманъ, прѣмѣявшій посохъ пашыря на мечъ грозный. Громъ пушекъ перекашываетъ по горамъ, какъ звукъ грома, по далекимъ облакамъ гремящаго. Не слышно бушеванія волиъ посреди воинскаго шума; окопы устроены; ядро, посоль смерши, съ убійственнѣмъ свистомъ жужжитъ, вырвавшись изъ жерла мѣднаго, бьетъ въ городскую ограду, копорая мало по малу осыпается. Осажденные искусно ошвѣчаютъ на вы-

спрѣлы невѣрныхъ и посылаюшь къ нимъ смерти въ шухахъ дыма и пыли.

III.

Кшо сей вишязь, повсюду впереди вражескихъ рядовъ являющійся? Искуснѣ всѣхъ поклонниковъ Магомета въ пагубномъ искусствѣ брани, яростень и гордь, какъ вождь, привыкшій повелѣвашъ побѣдою, онъ лешись, какъ вихрь, онъ полка къ полку, онъ дружины къ дружинѣ, всегда гошовый на новые подвиги. Онъ мчишь коня своего шуда, гдѣ опасность видимѣ, гдѣ съча кровопролишнѣе. Увидя бойницу, упорно обороняемую, прыгиваетъ съ коня и крикомъ ободряетъ воиновъ, огнедышущими драконами усрашенныхъ. Спускаетъ ли роковой куроць ружья, бросаетъ ли свѣшлый дропикъ, или очерчаетъ въ воздухъ кругъ блестящею саблею, — онъ всегда самый грозный вишязь подъ знаменами полумѣсяца. Это *Альъ*! Эшо Венеціанецъ, опшшупникъ онъ Христіянскої Вѣры.

IV.

Онъ родился въ Венеціи; предки его были знаменишы. Изгнанникъ изъ отечества, онъ обратился прошивъ него — онъ него полученное оружіе; чалма покрываетъ чело измѣнника. Переходя онъ перевороша къ переворошу, Коринѣ и Греція поднали подъ власть Венеціи. Среди враговъ Христіянства, *Альъ* былъ распаленъ бѣшенствомъ, грызущимъ шѣхъ, кошорыхъ жестокая обида принудила къ перемѣнѣ Вѣры. Отечество и славное восклицаніе сво-

боды не проникали въ его расширенную душу. Деносители, сокрывшіе себя изъ подлой шрусости, положили въ зѣвъ льва на площади Св. Марка обвиненіе, осуждающее его на изгнаніе; онъ успѣлъ скрыться и сберечь дни, войнѣ посвященные. Онъ доказалъ своему опечесству, сколь великую сдѣлало оно пошерю, општолкнувъ опш своей груди человека, ищенію кошораго луна обязана своею побѣдою надъ Греками.

V.

Комурджи предводилъ войнствомъ Музульманъ; пошъ самый вождь *Комурджи*, кошорый позднѣ украсилъ шоржесство *Евгенія*, палъ на кровавыхъ поляхъ Карловицкихъ, какъ послѣдній и славнѣйшій изъ побѣжденныхъ; палъ, не сожалья о жизни, но проклиная Христіанъ-побѣдителей. Увы! слава *Комурджи*, завоевателя Греціи, будетъ блиспать, доколѣ войны Христа не возвращашъ опшчизнѣ Героевъ свободы, кошорую она получила опш Венеціи. Вѣки промчались съ шѣхъ поръ, какъ сей Музульманинъ покорилъ лунѣ Грецію.

Комурджи вѣтрилъ *Альпу* начальство надъ передовымъ опшрядомъ. Грады, превращенные въ пепель, оправдывающъ его довѣренность и глубокія раны ручающся за вѣрность къ новой его Вѣрѣ.

VI.

Сшѣны шрасушся и, каждый день громамы пушками, зубы съ шумомъ обрушающся. Череня разорванной бомбы пролеташущъ въ окна чершоговъ,

обломки врываюся въ землю — и красный снопъ или вспаешъ подобно пламенному столпу волкана, или разсыпается по поднебесью, какъ грозные огни воздушные. Облака чернѣюшъ ошъ гусшаго дыма и солнечные лучи не проникаюшъ сквозь сѣрные пары, скрывающіе ошъ земли свѣтлозарный ликъ его.

VII.

Не одно мщеніе одушевляетъ опешупника, показывающаго Музульманамъ путь чрезъ проломъ въ городъ. Сѣсны Коринѣа заключаюшъ въ себѣ дѣвицу: онъ надѣется похитишъ ее у неумолимаго ошца, который не захошѣлъ имѣшъ его зятемъ, когда онъ носилъ еще имя Хрисціанское. Тогда несправедливый приговоръ не принуждалъ его сдѣлашъся предашелемъ опечесшва. Незнакомый съ забошами, весело прокашывался онъ по Венеціи въ своей гондолѣ, безпечно предавался удовольствіямъ Карнавала, давалъ сладкозвучныя серенады подъ балкономъ своей красавицы, въ шайншвенные часы роскошной ночи.

VIII.

Можно было догадывашъся, что Франческа не всешъ была къ нему нечувствшвительна: желаемая всеми благородными Венеціянами, она опшвергала ихъ брашныя предложенія и съ шого пагубнаго дня, какъ *Лангіотто* бѣжалъ на берега Музульманскіе, улыбка не постѣщаетъ прелестныхъ усшъ юной дѣвы. Бѣдна и уныла, ежедневно молишся въ свяшой церкви и рѣдко, рѣдко постѣщаетъ вечеринки и пиршешства. И шамъ опущенныя въ землю очи ея говорашъ ясно

объ ея равнодушн къ шоднѣ услужливыхъ обожа-
шелей. Она не блистаетъ щегольскими нарядами;
голосъ ея потерялъ свою очаровательную сладость;
окрысленныя снопцы ея не съ прежнею легкостію бѣ-
гаютъ въ рѣзвыхъ пляскахъ по лощеному полу.

IX.

Между тѣмъ, какъ *Собіескій*, подъ спѣнами Буды
и на берегахъ Дуная, уничижалъ высокоуміе Опи-
поманскаго полумѣсяца, Венеціанскіе Полководцы
вырвали изъ подъ Царградскаго ига всю область
отъ Патраса до моря Эвбейскаго. Избранный въ На-
мѣстники Дожа, *Миотти*, былъ посланъ въ Ко-
ринѣи тогда, какъ миръ, долго не посѣщавшій Греціи,
начиналъ улыбаться несчастнымъ ея обитателямъ.
Коварное перемиріе, разрывъ котораго послужилъ
предлогомъ для изгнанія Христіянъ, еще продолжа-
лось: *Миотти* прибылъ въ Коринѣи съ единствен-
ною дочерью. Съ того времени, какъ Менелаева су-
пруга бѣжала отъ Царя своего и отъ береговъ ро-
дины и оставила свѣшу разительный примѣръ того,
что преступная любовь не остается безнаказанною,—
Греція не видала красавицы, которая могла бы спо-
ришь съ Франческою.

X.

Проломъ сдѣланъ; заупра на разсвѣтъ Турки,
съ напряженіемъ всѣхъ силъ, приступяшъ къ сей
оградѣ полуразрушенной. Мѣста назначены; *смы*
погибели первые ошкроюшъ дорогу. Сей полкъ
сосшавленъ изъ Ташаръ и Музудманъ; ихъ сердце

не вѣдаешъ страха, ихъ удары неопразимы; они презирають смерть. Съ обнаженною саблею врубаяшся они въ дремучіе ряды непріятелей или падають, счастливые мыслію, что по ихъ шлѣмъ проложена дорога ихъ поварищамъ.

XI.

Полночь. Серебряная луна свѣсипшъ съ высоты Киѳерона; Океанъ разстилаешъ блестящіе валы свои; шемнолазоровое небо осыпано золотыми звѣздами, плавающими, подобно островамъ свѣта, посреди другаго Океана, развѣшеннаго надъ главами смертныхъ. Кто изъ насъ, созерцая ихъ тихое сіяніе, безъ шайной доски низводишъ взоры на шемную землю? Кто не желаетъ крыльевъ, чтобы воспарить въ шраны небесныя?

Спокойствіе царствовало на водахъ, копорыя легкимъ колыханіемъ едва передвигали мѣлкіе камушки, разсыпанные на песчаномъ оплогомъ берегу. Ихъ сладкій ропотъ былъ не громче лепетанія рѣзвago ручья; вѣтры на волнахъ спали; знамена не развѣвались и надъ лѣсомъ копій, осѣненныхъ ихъ широкими сгибами, блискала рогъ луны на высокомъ древкѣ.

Пропяжные оклики часовыхъ изрѣдка нарушали спокойствіе ночи, или гордое ржаніе коней пробуждало дремавшее на холмахъ эхо. Но глухой гулъ, подобный шрепетанію древесныхъ листьевъ, вдругъ раздался и сонный спанъ воспрянулъ: эшо голосъ Имана, призывающій воиновъ къ полуночной молишвѣ. Сей звучный голосъ унылъ и сладокъ, какъ шорже-

сшвенное пѣніе невидимаго духа: шаіе пропѣжные и неопредѣленные звуки, неизвѣстные пѣвцамъ смершнымъ, издаешъ уединенная арфа, онъ прикосновенія вѣпра къ звонкимъ струнамъ ея. Защитники Коринеа слышали въ семь пѣніи предвѣстіе своей погібели; самые осажденные содрогнулись, какъ бы пораженные неизъяснимымъ предчувствіемъ, которое нечаянно вкрадывается въ сердце, оледѣняешъ его ужасомъ: приспѣженное невольною боязнью, оно бѣшся часнымъ препешомъ. Такъ вздрагиваемъ мы при звонѣ колокола, хопя онъ возвѣщашъ намъ о погребеніи незнакомца.

XII.

Шашеръ *Альпа* былъ раскинушъ на берегу. Молитва кончена; шумъ ушихъ; онъ разшавиль спражу, обошелъ дозоромъ; всѣ повелѣнія розданы и исполнены. Еще одна безпокойная ночь; завшра месшъ и любовь съ избыткомъ вознаградышъ его за медленное исполненіе своихъ обѣщаній! Еще пѣсколько часовъ — и наспанешъ кровавая сѣча! *Альпу* нуженъ покой, дабы пригошовишъся къ шруду убійшва; но мысли волнуешся въ душѣ его, какъ волны онъ бушеванія бури. *Альпъ* единый во всемъ спанѣ глазъ не смыкаешъ. Не изшупленіе Вѣры разжигашъ въ немъ нешперѣливосшъ, скорѣе увидѣшъ день, въ кошорый водрузишъ онъ луну на башняхъ Коринеа. Не въ чаяніи безсмершія и небесныхъ Гурій, Пророкомъ обѣщанныхъ, опшавишашъ онъ жизнь свою. Пожирающій пламенъ любви

къ опечеству чуждъ душѣ темной; во мглѣ ея не загорился сіе высокое мужество, которымъ кипитъ гражданинъ, жаждущій блаженства пролить кровь, бросающійся въ опасности за милую родину. *Альв* опешупникъ ошъ Вьры, предатель опечества: одинокъ посреди тысячъ, у него нѣтъ ни довѣренной руки, ни сердца, ему преданнаго. Онъ храбръ; буйная подпа привязана къ нему надеждою корысти. Передъ нимъ пресмыкающся; ибо ему знакомо искусство, покоряющъ души обыкновенныя. Но не прощающъ ему его Христіанскаго происхожденія; даже завидующъ славѣ, приобретаемой Христіаниномъ подъ знаменемъ Магомеша; еще не забышо, что въ юныхъ лѣтахъ сей вишязъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ гонителей Адкорана.

Варвары не вѣдали, какъ властвуетъ гордыня надъ шѣмъ, въ кою задушила она всѣ другія чувствованія. Они не постигали, до какой степени мщеніе оземляняетъ и огрубляетъ сердца самыя нѣжныя и сколь безмѣрна слѣпоша шѣхъ, коихъ жажда мести заставила отпасть отъ Вьры. Такъ! Слѣпо ему повинуются рашники: легко управляющъ свирѣпыми людьми; только надобно быть ихъ опважнѣе. Такова власть льва надъ шакшломъ. Сей хищный звѣрь ловящъ добычу, кладетъ ее подъ когти могущаго льва; Царь звѣрей умерщвляетъ ее, насыщаясь; шакшалъ терзаетъ остатки отъ кровавой шрапезы.

XIII.

Голова *Али* горѣла, сердце сжималось и билось, но крѣпко, но слабо. Напрасно искалъ онъ на ложѣ успокоенія; сонъ бѣжалъ онъ вѣждъ его. Онъ смыкались на мигъ — и въ мигъ растворялись; онъ чувствовалъ удушающее бремя, его гнѣшущее; чалма бользненно давила чело его, а броча, какъ тяжельмй свинець, лежала на стѣсненномъ его сердцѣ. Бывало сонъ смыкалъ глаза его, хотя также, какъ нѣтъ, голая земля была ему пошелею и сырая ночь покровомъ. Для него нѣтъ покоя! Онъ откидываетъ полу шапра; идетъ искашь прохлады на песчаномъ берегу морскомъ, гдѣ тысячи воиновъ спяшь сномъ глубокимъ. Развѣ ложе ихъ мягче, роскошнѣе? Онъ чего *Али* не вкушалъ покоя, въ кошоромъ Природа и проснымъ воинамъ не отказываетъ! Ихъ опасности больше, ихъ труды тяжелье, нежели ихъ предводителя! Они дѣлають во спѣ богатую добычу, имъ обѣщанную; а онъ единый посреди сихъ несчастливцевъ, изъ коихъ споль многіе въ послѣдній разъ сномъ наслаждающа, чувствуюеть въ груди пышку, щещенно стараеться ушибишь въ ней прерогу чувствъ и съ завистью смотришь на спящихъ.

XIV.

Прохлада ночи немного освѣжила его душу. Погода была прекрасна, вѣсьерь не шевелилъ крыломъ и обильная роса орошала небесною влагою горящее чело его. Онъ миновалъ уже лагерь; передъ нимъ разшидаеться заливъ Лепанскій и разпо-

образные извивы береговъ его. На вершинѣ Дельфійскихъ горъ блещетъ снѣгъ, зноемъ лѣшнимъ не расшопляемый. Вѣки не уничтожатъ его, какъ племя челоуковъ! Поколѣнія исчезаютъ, ломче передъ лучами солнца, нежели сей легкій бѣлый покровъ, всегдашняя одежда горъ, переживающая и крѣпкіе дубы, и башни надменные. Сей вѣчный снѣгъ, лежащій наравнѣ съ облаками, кажется гробовою пеленою, кошорую набросила на снрапу, ей любезную, улешѣвшая опселя свобода. Горестно оставляя сіи мѣста, гдѣ пророческій Геній вдыхалъ побѣдные Гимны славы, она проливала слезы и удалялась медленнѣе, когда усматривала окреснѣ нивы заглохшія или олшари свои опрокинутые. Она гошова воззвать сыновъ Греціи, указать имъ славные шрофеи ихъ предковъ; но, увы! гласъ ея безсиленъ. Не возвратишя незабвенный день, озарившій бѣгство Персовъ, зрѣвшій улыбку умирающаго Спаршанца.

XV.

Не смотря на черную измѣну, въ душѣ *Альпа* живо еще воспоминаніе о сихъ знаменишыхъ событіяхъ. Онъ сравниваетъ минувшее съ настоящимъ: ему представляется славная смерть Героевъ, пролившихъ кровь за правое дѣло на сихъ самыхъ поляхъ, по кошорымъ онъ бродитъ. Онъ чувствуетъ, какъ пошрамлена, какъ запашнана шускляя слава предшеля, кошораго свяшопашская рука предводитъ полчища варваровъ на гибель своей опшизны. Не шаковы

были Герои, коихъ пепель на сей долищѣ поконшя. Ихъ дружины здѣсь сражались и пали жершвою своей вѣрности; память ихъ благословенна! Кажется, будшо Зефиръ называетъ ихъ по имени, воды шумящъ ихъ подвигами и лѣса полны ихъ славою. Уединенный сполщъ, пострѣвший отъ времени, гордишя шѣмъ, что спрежешъ священные ихъ гробы; ихъ шѣни обитающъ въ горахъ; воспоминаніе бесѣдуешъ о нихъ съ нами на берегахъ источника скромный ручей, пышная рѣка сіяющъ ихъ знаменитостію. Иго шягошѣетъ надъ жилищами; но земля принадлежищъ имъ и славъ вселенной. Смершннй, жаждущій увѣковѣчищъ имя свое благороднымъ дѣломъ, усшремляешъ глаза свои на Грецію и взявъ въ образецъ ея Героевъ, опважно мчишя въ бишву, за смертшою или за славою.

XVI.

Аль мечшалъ на берегу и благословлялъ сладкую прохладу ночи. Никакое смяшеніе не шревожищъ влаги сего моря, не знающаго ни прилива, ни оплива. Какъ бы ни ярились валы, до облакъ воздымаемые, они не смѣющъ перешунищъ за чершу, имъ назначенную, и безсишная луна видищъ ихъ свободными отъ ея вліянія. Въ погоду шихую и бурную, неподвижная на своемъ основаніи скала, смѣетъ шщешному усилию волнь, до нее не достигающихъ. Бѣлая полоса пѣны, съ незапамяшныхъ вѣковъ, на одномъ мѣстѣ опоясываетъ зелень берега, почши слышю съ пескомъ морскимъ.

Въ задумчивости бредешь *Альпъ* вдоль берега, далѣ и далѣ. Уже онъ подъ выспрѣлами рашниковъ, на оградѣ Коринѳа разсѣвленныхъ: спражи его не замѣтили. Какое непоспѣжимое счастье спасаетъ его отъ ружей непріятельскихъ? Не ужели Хрисііане - предашли умышленно щадяшь его? Развѣ иссохла десница ихъ или мразь оковала сердце? Недоумѣваю! Но ни одна пуля съ городской стѣны не просвистала надъ головою опешупника, а онъ въ двухъ шагахъ отъ бойницы, обороняющей врапа прибрежныя, стоишь и слушаешь: онъ различаетъ не только шумъ разговаривающихъ, но и самыя слова, ошрывисто произносимыя часовымъ, кошорый мѣрными шагами спущинтъ по каменному помоспу. Онъ видишь подъ валомъ спяю гладныхъ псовъ, пожирающихъ шрупы, шамъ и сямъ разбросанные. Они слишкомъ заняты своей добычею и не лають. Они обглодали до кости черепъ убившаго Ташарина, какъ снимають кожу со спѣлаго персика; обнаженный черепъ сопротивляется припулленнымъ зубамъ ихъ; они ляжутъ кости и съ шрудомъ растворяють зѣвъ, пресмыщенный кровавою лешвою. По чалмамъ, на песокъ разметаннымъ, *Альпъ* узналъ, что это опважѣншіе изъ его дружины. Шали, кошорыми обернуто чело рашниковъ, были зеленныя съ пунцовыми каймами и пукъ волосъ заплешенъ косою на бришой головѣ ихъ. Онъ видѣлъ, какъ коршунъ билъ крыломъ волка, опогнавшего хищныхъ пшиць отъ лошадинаго остова, до половины разперзаннаго.

XVII.

Аиль отъвратилъ взоръ отъ сего гнуснаго зрѣлища. Его сердце не шрещало среди самой жаркой стѣи; но ему легче было бы стерпѣшь видъ раника, заливаго своею кровью, нежели ошервѣченіе сихъ хищныхъ живонныхъ, отрывающихъ кровавые куски отъ труповъ, нечувствительныхъ къ боли. Въ битвѣ раникъ дышетъ какимъ-то чувствомъ гордосши: въ какомъ бы образѣ смертъ ни встрѣчалась, съ нею вмѣстѣ лешись и Слава, провозглашающая имена падшихъ и Чеснь съ пронцаательнымъ взоромъ, на мужешвенные подвиги усреленнымъ. Но когда все кончено; шо шажело попирашь ногами шѣла храбрыхъ, ожидающихъ погребенія и видѣшь презрѣнныхъ червей, хищныхъ ишциъ и дикихъ звѣрей, спорящихъ о брениныхъ осшашкахъ челошѣка, веселящихся его погибелью.

XVIII.

Вблизи, земля покрывша была развалинами дрешяго храма. Два или три столпа еще стояли и мурава одѣла гранингъ и мраморъ: работа неучолимага времени! Оно грозить и будущему и прошедшему и оставяешъ послѣ себя развалины, да взирая на нихъ, челошѣки оплачуть и шо, что было, и шо, что будешъ. Дѣши наши увидяшь шо же, что мы видѣли: обломки ошжившихъ памяшниковъ и опривки зданій, воздвигнутыхъ руками смертныхъ.

XIX.

Альв возсѣлъ на подножїи столпа и какъ чело-
вѣкъ, погруженный въ думу печальную, приложилъ
руку къ челу своему; голова его скапилась на грудь,
сердце его билось, какъ въ лихорадкѣ; персты бродили
по лицу его, какъ персты Музыканша, перебирающіе
костяныя клавиши, когда не находящъ они того
звука, который пробудишь желающъ. Сидѣвшему въ
глубокомъ и горестномъ размышленїи, послышалось
ему, будто ночной вѣтеръ пахнулъ на него и что-
то вздохнуло нѣжно и уныло; эшо конечно вѣтеръ,
сменящій въ щелинѣ ближняго ушеса. *Альв* при-
поднялъ голову — море не колыхнешся; взглянулъ на
праву — она не шелохнешся. Откуда же налетѣлъ
сей звукъ, столь сладостный? Онъ бросилъ взглядъ
на фмаги крѣпости; складки ихъ неподвижны и дре-
весныя листья Киѳерона не шевелятся; и самъ онъ
не ощущаешь дыханїя, которое столь нѣжно по-
вѣяло въ лице ему. Оглянулся... На яву ли онъ
видишь? Дѣва, блестящая юностїю и красою!
Онъ вздрогнулъ... никогда не дрожалъ онъ столь
сильно при напискѣ непрїятели. „Боже ощець
моихъ!“, воскликнулъ онъ — „Что зрю я?
Кшо ты? Откуда? что привело тебя въ спань
Музульманскій?“ Рука его препенещь; онъ не
въ силахъ перекреститься: знаменіе Креста пре-
спало для него бышь священнымъ знаменіемъ
спасенїя. Совѣсть удерживаешь его руку. *Альв*
безмолвенъ ошъ удивленїя: онъ узналъ предметъ

своей спрасши: подлѣ него Франческа, Франческа... его невѣста.

Розы блиспали еще на ея ланипахъ; но румянецъ ихъ былъ блѣдень. Не видно прелеспнаго движенія усшь и улыбки, которая украсала ихъ румянецъ. Лазурь Океана, гладкая и блестящая, не споль плѣнишельна, какъ небесно-голубой цвѣтъ очей ея; но зрочки ихъ неподвижны, какъ море; взоръ ея свѣшель, но хладень. Тонкая, бѣлая одежда едва сокрывала ея бѣлолилейныя перси и сквозь разбросанныя власы, *Альъ* видѣлъ прелеспную округлосшь рукъ ея. Не молвивъ ни одного слова своему возлюбленному, она подняла къ себу руку, споль блѣдную и прозрачную, что лучи луны сквозь нее бы продикнули.

XXI.

„Я оставила мѣсто покоя,“ сказала она, „желаніе, бышь счасливою и раздѣляшь сіе счаспіе съ моимъ любезнымъ, привело меня сюда. Ни спѣны, ни враша, ни спража меня не удержали: безъ боязни дошла къ себѣ. Говоряшь, что левъ предаешся бѣгспву, увидѣвъ чистую дѣву, не имѣющую никакой защиты, кромѣ своей невинности; Богъ, покровительсвшующій невинность прошивъ люшаго Царя лѣсовъ, благоволилъ въ неизрѣченномъ милосердіи предохранить меня ошь невѣрныхъ. Я пришла къ себѣ; но если щещно, шо мы никогда не соединимся! Никогда! Ты опрекся ошь Вѣры опцовъ своихъ; злодѣяніе ужасное! Но сбрось нечестивую чалму

сію, попрй ея ногами, сошвори Крестное знаменіе — и ты мой на вѣки! Смой черное пятно съ своего сердца: завтра мы соединимся, чтобы никогда не разлучаться. “

„Гдѣ будетъ брачное ложе наше?“ отвѣчала Альби.
„Между мерными и умирающими; ибо завтра мы испребимъ огнемъ и мечемъ Христіанъ и храмы ихъ священные. Только шебѣ и швоимъ пощада! Я даль кляшву; но не сътуй: я укрою шебя, я найду для шебя приюсть, гдѣ мы будемъ счастливы, гдѣ мы сочешаемся бракомъ, забудемъ все прошедшія горести. Тамъ ты будешь моею супругою. Но прежде мнѣ надобно еще разъ смвришь гордыню Венеціи; еще разъ дозвошь, чтобы сія рука, осужденая къ посрамленію, наказала бичемъ, свшнымъ въ змѣй, пресшунную зависшь враговъ моихъ.“

Франческа положила свою руку ему на руку — тихо ее пожала: онъ до костей содрогнулся. Его сердце оледѣло; въ недоумѣніи, неподвижно спшлялъ онъ. Ея холодная рука не удерживала руки *Альби*.

Напрасно успливался бы онъ опшлюкнушь ее: никогда пожатіе милой руки не производило столь сильного оцѣпенѣнія, столь благоговѣйнаго ужаса. Жаръ головы его остылъ, оледѣтвѣвшее сердце билось слабо; казалось, что онъ окаменѣлъ, когда всматриваясь въ черны своей возлюбленной, онъ увидѣлъ ихъ столь преображенными. Дѣва была еще прекрасна; но безъ выраженія, безъ сего небеснаго луча, разливающаго по лицу жизнь, подобно какъ въ

ясную погоду солнце разливается по водам сияние. Успя
ея были неподвижны, как скованныя смертию и слова,
вырываясь изъ нихъ, не сопровождалась теплымъ ды-
ханіемъ. Ея перси не воздымались и казалось, что
кровь остановилась въ ея жилахъ. Очи ея не свѣпи-
лись и стоячій зрачокъ бросалъ блуждающіе взгляды,
похожіе на взглядъ чловѣка, перзаемаго мучитель-
нымъ сновидѣніемъ. Таковы на обояхъ мрачныя из-
ображенія, движущіяся ошь въпра; сіи бездушные
люди, кажущіеся живыми, пугають при свѣтѣ дого-
рающей лампы. Въ сумракъ, мнишя, будшо они
спускаются съ стѣны, на кошорой написаны ихъ
грозные образы и расхаживають шуда и сюда каждый
разъ, когда въперъ попрясаешь полошно подвижное.

„Если ты думаешь, что такой жертвы много для
любви ко мнѣ, исполни сіе изъ любви къ Богу!“
въцаешь ему *Франческа*. — „Еще разъ умоляю тебя,
сбрось чалму съ нечестивой главы твоей; обѣщай
пощаду сынамъ опечества — или ты обреченъ по-
гибели! Скоро будешь для тебя чуждою земля, на
кошорой недолго суждено тебѣ оставаться; небо
для тебя зашворнися; меня ты никогда не увидишь.
Если же ты склонншься къ молебъ моей и несчастіе
будешь твоимъ удѣломъ, радуйся: эшо испытаніе,
эшо средство къ опущенію грѣховъ твоихъ. Двери
милосердія могутъ еще для тебя оппереться. Об-
думай! Проклятіе Господа Бога, ошь кошораго ты
опрекса, виситъ надъ твоей головою; взгляни въ
последній разъ на небеса: еще мгновение — и ошь

для себя не отверзуся. Взгляни на сіе лешучее облако: оно задернуло луну; минуша — и оно промчися мимо! Знай, что если сіе шуманное покрывало разоблачишь лице луны, — а ты не перемишишься; Богъ и человекъ постребуютъ опъ себя опчета: ужасень будешь приговоръ тебѣ, еще ужаснѣ швоя вѣчность мученій.“

Альв поднялъ глаза и увидѣлъ въ небѣ роковое облако; но раны сердца его живы и гордоснѣ непреклонна. Сія пагубная спрасшь заглушила въ немъ всѣ другія. *Альпу* просишь помилованія; *Альпа* испугаюшь угрозы робкой дѣвы! Онъ забудешь оскорбленія Венеціи; онъ дастъ обѣщъ, щадитъ сыновья, обреченныхъ могилѣ! Не бывають! Если въ эшомъ облакѣ заключень громъ и долженъ, грянувь, убишь его; ... пустьъ грянешъ!

Альв въ безмолвіи взглянулъ на грозное облако; оно пролешло — и полная луна поразила взоръ его. „Какой бы жребій ни ожидалъ меня,“ сказалъ онъ, „шеперь уже поздно раскаяніе.... Пустьъ буря заставляешъ слабую просшь дрожащъ, сгибаешься и опяшь возшавашъ; дубъ упадаешъ. Я останушь шѣмъ, чѣмъ хотѣла Венеція: непримиримымъ врагомъ ея во всемъ, кромѣ моей любви къ тебѣ. Но развѣ ты со мною небезопасна? *Франгеска!* убъжимъ вмѣстѣ.,,

Онъ оглянулся; *Франгески* уже не было подлѣ него; шолько мраморный столпъ бѣлѣлся. Куда

сокрылась она? Ушла ли подъ землю? Улетѣла ли на воздухъ? Ее нѣтъ — и онъ остался въ недоумѣніи.

XXII.

Ночь пролетѣла; солнце возсіяло, какъ будто бы озаряя день праздношва поржественнаго. Аврора мало по малу скидаетъ съ себя сѣрое покрывало сумрака; все предвѣщаетъ зной удушающій. Барабаны бьютъ, трубы звучатъ, хоругви распущены, кони ржатъ, войско волнуется, раздаются крики: къ оружію! къ оружію! Конскіе хвосты на копейныхъ древкахъ впереди полчищъ колеблются, мечи обнажены, воинство устроено къ битвѣ: ждутъ мановенія! Ташары, Спаги, Туркоманы! Бѣгите къ передовому отряду; всадники, займите всѣ выходы изъ города, берегите поле, заслоните дороги! Ни одному Христіанину нѣтъ пощады! Ни старцу, ни младенцу нѣтъ милости! Пѣшцы! Бросьтесь дружно въ проломъ и Коринѣъ вашъ! — Кони грызутъ бразды, скрежещутъ зубами, гордо воздымаютъ волнистыя гривы, опѣняютъ удила; конья направлены, фишкили курятся, прицѣленные пушки гошовой изрыгаютъ смерть и опрокинутъ стѣны, уже напреснушья; полчища Янычаръ идутъ подъ предводительствомъ Альпа. Его правая рука обнажена, мечъ сверкаетъ въ рукѣ его. Уже Ханъ и Паши заняли мѣста свои, самъ Визирь явился передъ воинствомъ. Какъ скоро грянетъ вѣшковая пушка, спускайте! Смерть безпощадная всѣмъ жишелямъ Коринѣа; убивайте Священниковъ у олшаря, Вельможъ въ ихъ чершогакъ;

не оставляйте камня на камне. Богъ и Пророкъ, его! Алла! Да потрясетъ сей вопль оводы неба!

„Вопль проломъ,“ вскричалъ *Колурджи*; „воплъ лѣспницы: приснавшие ихъ къ оградѣ. Ваши сабли съ вами: вамъ ли не ошашься побѣдителями? Тотъ, кто первый низпровергнешъ знамя Креста, пребуду ошъ меня, чего хочешъ! Все получить!“

Такъ неуспрашимый Визирь воспалалъ огонь храброси въ своихъ войнахъ: ему ошвѣчающъ рапики, махая саблями и потрясая копыями. Земля задрожала ошъ радосинныхъ восклицаній воинства, кипящаго нешерифниемъ вешуцишь въ бой. . . . Внимайте: сверкнула молнія, грянула вѣсовая пушка! .

XXIII.

Такъ спашо гладныхъ волковъ бросаешся на дикаго быка, презирая багровый пламень очей его и ревъ его ярости! Тщешно шончешъ онъ бурными копышами и вскидываетъ грозными рогами высоко на воздухъ шѣхъ, кошорые ближе другихъ наступать на него ошваживаются. Такъ Музульмане кинулись на спѣны; шакъ храбрѣйшше изъ нихъ погибли подъ сокрушительными ударами осаждающихъ. Уже многіе войны лежатъ во прахъ; ихъ ланы, какъ ломкое стекло, разбишы свинцомъ смертоноснымъ; пролетѣвъ насквозь, пуля роешъ еще землю, на кошорой они повержены; цѣлые полки опрокинуты, подобно класамъ, на нивѣ серпомъ жнеца пожинаемымъ.

XXIV.

Какъ ушешъ, долго подымаемый вешнимъ разливомъ, вдругъ видншъ. шшо огромное. ошорванные

онъ его подножіа обломки, мчашея съ громopodobнымъ шрескомъ и какъ снѣжныя Альпійскія глыбы низпадающъ въ волны: шакъ, ослабѣвшіе опть догвременной обороны, обшашели Коринѳа упадающъ подъ мцогкрашнми приешупами Мусульманскихъ полчищъ. Они оборонялешь опчаянно; но подавлены множешвомъ и пали, какъ блись, неподвижные въ рдаехъ своихъ и не уступя ни шагу.

Одна смернь безмольствовала на полѣ убійства: удары умерщвляющихъ, стоны убиенныхъ, побѣдныя восклицанія мѣшающя съ громомъ пушекъ. Сосѣдешвенные города съ безпокойшвомъ внимающъ сей громъ, до нихъ достигающій; они не вѣдающъ, союзникамъ ли ихъ или врагамъ улыбаешся счастье, съшовашь ли имъ или радоваешся симъ грознымъ крикамъ, которое гора горѣ пересылаешь. Саламинъ и Мегара, самый Пирей, какъ сказывающъ, слышали громъ сего бѣдешвеннаго сраженія.

XXV.

Мечи опть конца до рукояти облишы кровью. Башни рухнули, воины разлились по стогнамъ, грабешь рыскаешь по улицамъ. Вопли пронзительнѣ въ шѣхъ домахъ, куда ворвались нештовые за добычею. Слышанъ быстрый бѣгъ спасающихся, скользящихъ въ крови, кошорою улицы зашоплены. Еще шагъ и сямъ, вездѣ, гдѣ находятъ выгодное мѣшо, десяшь, двѣнадцашъ защитниковъ города, примкнувъ къ стѣнѣ, гордо обороняющя, наносящъ удары непщѣлимые и съ оружіемъ въ рукахъ поги-

баюшь... Въ одной изъ сихъ дружинъ обращаешь на себя взоры съдовласый спарецъ: удары его руки неизбѣжны. Онъ ловко и храбро принималъ смѣлыхъ, кошорые близко на него наступали. Турецкіе прупы лежали передъ нимъ полукругомъ; онъ не раненъ; опспулая, онъ не позволялъ непріателямъ окружить себя. Глубокіе рубцы подъ броней свидѣльствовали, что онъ давно знакомъ съ опасностями; но всѣ сіи рааны получилъ онъ въ прежнихъ сраженіяхъ. Не взирая на преклонныя лѣта, въ крѣпости силъ не уступаешь онъ юношамъ; враги, кошорыхъ онъ не допускалъ къ себѣ, были многочисленнѣе съдыхъ власовъ его. Не одну мать лишилъ мечъ его сына, еще нерожденнаго, шогда, какъ *Миотти* въ первый разъ пролилъ кровь поклонниковъ Аллы! Давно уже пошерявшій своего собшвеннаго, многимъ опщамъ даль онъ почувствовать безмѣрность своей печали. И если шѣни услаждаются кровью; шо менѣе принесено жершвъ успокоенію шѣни Патрокловой, нежели сыну *Миотти*, погибшему на предѣлахъ Европы и Азии. Онъ погребенъ на томъ же берегу, на коемъ вишязи сполько лѣшъ были погребасмы. Что возвѣспишь намъ о смерти сихъ Героевъ? Кто укажешъ ихъ могилы? Вросли въ землю ихъ камни надгробные, развѣянь ихъ пепель; но Пѣнопѣвцы дадушъ жизнь ихъ подвигамъ.

XXVI.

Раздаются крики: Алла га! Опщайнная шолпа храбрѣйшихъ изъ Музульманъ впередъ мчися. Жи-

листая рука ихъ вождя обнажена по плечо. Сія рука всегда подниша разишь. Ея удары обличають ее. Одни опличаются золото-кованнымъ оружіемъ и подспрекають сопрошивника надеждою богашой добычи. Другіе носять мечь съ рукоящью, богато осыпанию алмазами; но въшь ни одной сабельной полосы, споль гибельной. *Альпъ* хочеть, чшобы въ бояхъ замѣчали его не по великолѣпной чалмѣ, а по обнаженной десницѣ, облишой кровію. Хотите ли встрѣшиться его? Спунайше шуда, гдѣ кипишь самая упорная съча. Его знамя всегда впереди; ни одинъ вождь Музульманскій не увлекаеть за собою шакъ далеко Деліевъ. Знамя *Альпа* подобно кометь успрашающей. Тамъ, гдѣ сверкаеть его сабля, сражаются или, за минушу передъ шѣмъ, сражались опважнѣише рашники. Тамъ робкій шщешно умоляеть о пощадѣ свирѣпаго Ташарина; шамъ упадаеть на кровавое ложе смѣлый боець, не рошца на Судьбу и спѣша нанесеть послѣдній ударъ сопернику.

XXVII.

Сшарець *Минотти* еще обороняеться. *Альпъ* оспавиль мечь свой на полувзмахъ... Онъ кричишь ему: „Здайся, *Минотти*! пощада тебѣ и швоей дочери!“ — „Никогда, богомерзкій опшшупникъ, никогда, еслишь жизнь, кошорую шы мнѣ общаешь, была въчною. — „*Франгеска*, мною обожаемая! Неужели шы будешь жершвою гордыни?“ — „Она безопасна!“ — „Гдѣ же?“ — Въ небесахъ, на вѣки зашворенныхъ вѣроломной душѣ швоей; она далеко опъ себя: нямъ,

горь, между Святыми дѣвами.“ — *Минотти* злобно улыбулся, увидя, что ошъ сихъ словъ *Альв* зашатался, какъ будто тяжкій ударъ врага на главу его обрушился. „О небо!“ воскликнулъ онъ; „давно ли она пресшавилась?“ — „Вчера,“ ошъчала *Минотти*; „я не плачу по ней; ни одинъ изъ дѣшей моихъ не будетъ влачить оковы Магомена или предашеля. Приблизься и защищай себя!“

Тщешень былъ сей вызовъ! *Альв* уже не стало въ числѣ живыхъ. Между тѣмъ, какъ раздирающія душу его слова *Минотти* ошмщали за него лучше, нежели мечъ его, если бь онъ вонзился по рукояшъ въ сердце измѣшника, пуля ударила его въ грудь. Смертоносный свинець прилешель съ паперти сосѣдственной церкви, которую нѣсколько воиновъ защищали ошчаянно. *Альв* упалъ прежде, нежели кровь брызнула изъ раны. Молнія сверкнула изъ очей — и мракъ покрылъ шрупъ его, еще шрепещущій. Не осталось никакого признака жизни, кромѣ скоропременныхъ судорогъ, корчившихъ его члены, на землѣ распрощершыхъ. Товарищи поднимають его: грудь и чело обезображены кровью и пылью; посишья уха извергають черныя печени крови; жила не бешся. Никшо не принялъ его послѣдняго дыханія; онъ не произнесъ ни одного слова, никакого судорожнаго хришвнтя; бешпръ переходъ его ошъ жизни къ смерти! Прежде, нежели мысль его могла обравшиться къ Богу съ молишвою, душа ошшавила шлю, безъ надежды на прощение. Послѣдняя минуша застала его ошешушникомъ.

XXVIII.

Клики враговъ *Анна* смѣшались съ волями его ратниковъ; одни восклицаютъ съ радости, другіе ошъ бѣшенства. Съча еще кровопролитіе: звучать мечи и ковыя, упадають на прахъ бойцы. Дорого продаешь *Минотти* каждый вершокъ земли въ городѣ, его управленію вѣренномъ: немногіе изъ воиновъ его усояли; они обрекли себя на смерть и соединяють съ успіемъ вождя свое успіе. Церковь, изъ коей прилетѣла смерть въ грудь измѣнника, предлагаетъ имъ крѣпкое убѣжище. Оставляя за собою ручей крови, *Минотти* ошесупаешь въ нее; но ошешупъ его гибельнъ, его остріе всегда блестя въ очахъ непріятелей. Ушомленные столь люшою бившою, Кориняне находятъ мгновенный ошдыхъ за огромными ошолпами свяшилица.

XXIX.

Уви! Сколь крашко было сіе мгновение! Въѣстѣ съ числомъ возрасла и дерзосшь варваровъ; они съ яросшю и увѣренносшю кинулись на Христіанъ; но самая ихъ многочисленносшь обрашлась имъ въ пагубу. Перешолокъ, кошорой вель къ послѣдней швердынѣ, ошавшейся защитшикамъ Коринѣа, былъ до шого узокъ, что Турки, прошѣсившіесе впередь между шолпами храма, щещино искали пуши возвращаюга. Нѣшъ спасенія! Гибель ловила убѣгающихъ; но едва ряды храбрыхъ упадали, уже другіе ряды вѣшителей шояли на ихъ еще шеплыхъ шулахъ. Христіане разили; но гусыя шолпы

враговъ не рѣдли. Свѣчи, предъ Образами горящія, не разсыпали колеблющимся своимъ сіяніемъ облаковъ дыма. Ошшоманы уже передъ дверьми церковными; мѣдныя пещи прошиваясь ихъ усиліямъ и изъ каждой скважины, изъ каждаго разбишаго окна осыпають ихъ убійственныя пули. Но удары чаще, храмъ зашатался; желѣзо успунило, пещи преломились, зашворы съ громомъ прыгнули: дверь рухнула съ страшнымъ громомъ. Совершилось! Коринѣ палъ!

XXX.

Споя на спупеняхъ олшаря, *Миотти* почти одинъ пережилъ храбрыхъ, которые не могли спасти Коринѣа. Мечемъ и грознымъ взоромъ удерживалъ онъ Турокъ, спремѣющихся по слѣдамъ его. Надъ главою его споялъ Образъ Богоматери — швореніе вдохновенной кисти. Ея влажныя психимъ свѣшомъ очи дышашъ любовію. Сей Образъ, казалось, поспавлепъ надъ олшаремъ съ мудрымъ намѣреніемъ, возносишь горь сердца молящихся. Небесная Матерь младенца - Бога держишь на кольняхъ Сына и улыбаешся молящимся челоѡкамъ, какъ будто общая сама повергнушь мольбы ихъ къ Пресполу Вседержителя. И среди душегубствъ и кровью обогреннаго храма, Свяшная Дѡва еще улыбаешся. *Миотти* съ глубокимъ вздохомъ возвелъ на нее взоръ, перекрестился и схватилъ свѣшильникъ, горѣвшій на олшарѣ, обхваченномъ мечами и пламенемъ Ошшомановъ.

XXXI.

Глубокіе погребя подь помосномь изъ Мозанки были уставлены рядами старинныхъ гробовъ; на дскахъ начершаны имена покойниковъ; но ихъ нельзя прочесть: кровь на нихъ заеклася. Ръзные гербы, разноцвѣтныя жилы мрамора заброшаны грудами изломанныхъ мечей и разрубленныхъ шлемовъ. Количество шруновъ, поверженныхъ на поверхности сихъ подземныхъ сводовъ, не уступаешь въ многочисленности погребеннымъ подь ними въ печальномъ порядкѣ. Война проникла въ сіи мрачные вершны — и обилель копяныхъ ошавовъ превратила въ хранилище губительной селишры. Къ пороху сдѣланъ приводъ. Эшо послѣднее; но самое ужасное истребительное оружіе *Милотти* противъ завоевашелей.

XXXII.

Турки вломилсь въ церковь; малое число Христіанъ-воиновъ сопротивляешся имъ съ напраснымъ упорствомъ. Еще не уполивъ палящую ихъ жажду месши, они забавляюшся, обезображивая шрусы и опрубаюш имъ головы; низвергаюш съ подножія мраморные изваянные лики Угодниковъ Божіихъ, сдираюш оклады съ образовъ, парчу съ олшарей, сражаюшся между собою за драгоценные сосуды, Святыми Іерархами освященные. Ненасышныя мчатся къ олшарю! Величественное зрѣлище! Сосудъ спрашныхъ Хришовыхъ Таинъ спользъ еще на Прешоль: сіяющій алмазами и рубинами, онъ

поразили жадные взоры грабителей. Ибо еще в сей пагубный день Священник совершалъ Апсургию и приобщалъ Св. Тайнъ Христовыхъ воиновъ, защитниковъ Вѣры и Коринѳа. Кшо пріемиши, чья святошпашивенная рука прикоснется къ стѣпныиъ? Яркій блескъ металла и каменьевъ — есть соблазнь для поклонниковъ Магомета: послѣдняя и самая богатая добыча!

XXXIII.

Уже одинъ Тапаринъ простеръ нечесливую руку къ свящынѣ... *Минотти* пошрась свѣщныиикъ надъ разрывчашымъ землемъ... искры посыпались... и вдругъ — церковь, колокольня, своды, ошарь, вѣрные и невѣрные, живые и мершвые, вздѣшли на воздухъ. Домы упали, стѣпны обрушились, море опть береговъ опхлынуло, горы дрогнули на граничныхъ основаніяхъ. Сей ужасный взрывъ, въ горящей шучѣ, взбросилъ за облака тысячи безобразныхъ обломковъ. Дождь пепла упалъ на землю, чернымъ слоемъ покрылъ мысь и окрестности и начерпалъ безчисленные круги на поверхности моря. Разорванныя тѣла Героевъ разбросаны по полю. Христіане и Магометане перемѣшаны. Самыя ихъ матери не могли бы узнать дѣшей своихъ. Сладко улыбаясь надъ ихъ колыбелью, воображали ли онѣ, что ихъ нѣжные члены будущъ нѣкогда столь обезображены, сиюль мучишельно истерзаны? Немногіе сохранили образъ человѣческой. Дымящіяся бревна, остеклявшіе камни, зацекшіеся кровью, загромоздили

берегъ. Все живое съ ужасомъ удалилось отъ сихъ мѣстъ. Птицы вылетѣли изъ лѣсовъ; дикія собаки съ воемъ убѣжали отъ шруповъ, до волонныя оглодавшихся. Верблюды въ бѣшенствѣ вырвались у проводниковъ; послушная лошадь, браздившая ниву далеко отъ Коринѳа, изорвала упряжь; конь взвился на дыбы и сбросилъ съ себя всадника; жищели болотъ огласили воды печальнымъ кваканьемъ; волки взвыли въ берлогахъ; шакаль засноналъ и стоны его похожи на плачь младенца; орелъ, распушивъ широкія крылья, вылетѣлъ изъ гнѣзда и преслѣдуемый облаками чернаго дыма, заснилавшими отъ его зрѣнія землю, воспарилъ къ солнцу, и капъ шамъ себя убѣжища.

Примѣзанія Сокннителя.

С т р о ф ы:

IV.

Въ желусти льва на площади Св. Марка. Въ Венеціи обыкновенно такъ поступали шайные дощники, желая погубить враговъ своихъ.

V.

Кожурджи. — Знаменитый брашныи подвигами *Али Кожурджи*, любящецъ шрехъ Султановъ и Великій Визирь *Алѣта III*. Онъ выгналъ Венеціанъ изъ Пелопонеса — въ одинъ походъ. Годъ спустя, сей военачальникъ смертельно раненъ въ Петервардинской битвѣ,

на равнинѣ Карловицкой, вл. самую шу минушу, когда онъ спарался
остановивши бѣгущихъ своихъ пѣлохранителей. Онъ умеръ на другой
день. Последнее повелѣніе его было отрубивъ головы Генералу *Брей-*
неру и другимъ военнопленнымъ Германцамъ. Издыхающій варваръ
воскликнулъ, видя падающія ихъ головы: „Зачѣмъ не могу я того
же сдѣлать со всеми собаками-Христіянами?“ Слова, достойныя Ка-
лигулы! Онъ былъ гордъ до безмѣрности. Ему сказали, что прощвъ
него начальствуешь искусный вождь, Прищъ *Еогеній*. „Тѣмъ лучше,“
возразилъ *Кожурджи*, „на его счетѣ я сдѣлаю еще искуснѣе!“

УІІІ.

Ланіотти, презнее имя Альпа.

ХVІ.

а) Извѣстно, что въ Средиземномъ морѣ нѣтъ ни прилива, ни
отлива.

б) *Лѣнѣа* растворяютъ зѣвъ, пресыщенный кровавою лѣтвоею. Я
самъ былъ свидѣтелемъ совершенно сходнаго съ этимъ зрѣлища, подъ
спѣнами Константинопольскаго Серая, въ развалинѣ камня, проры-
той водами Босфора. О семъ говоритъ и *Гобгоузъ* въ описаніи сво-
его путешествія. Мы видѣли трупы казенныхъ Янычаръ.

с) Суевѣрные Турки увѣрены, что Магомешъ перенесетъ ихъ въ
рай, схватя за эту косму.

ХХV.

Здѣсь говорится о морскомъ сраженіи между Венеціянами и Тур-
ками при Дарданеллахъ.

ХХХІІІ.

Боюсь Пинтческой вольности, переселивъ *шакала* изъ Азіи въ
Грецію, гдѣ, признаюсь, я ипряду не видалъ сего кроваваго звѣря.
Но мнѣ встрѣчался онъ спадая въ развалинахъ Эфеса; шакалы
любятъ жить въ развалинахъ и спаяли слѣдуютъ за Армію.